

НИКОЛАЙ ЧЕРГИНЕЦ

ОПЕРАЦИЯ “КРОВЬ”

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

Лето 42-го было жарким. В гетто не хватало воды, даже чтобы помыться. Его жители собирали воду буквально по стакану, чтобы хоть как-то помыть детей, изредка — себя. Жизнь, если можно так назвать это существование, голодная, полная тревог и смертельной опасности. В гетто установился своеобразный порядок.

Первый, кто разобрался в этой обстановке, — глава семейства Левиных.

Михаил Исаакович, работая сапожником, ежедневно встречаясь с жителями гетто, получал немало сведений. Особенно ценной была информация от полицейского по имени Петро, который не говорил, откуда он, но по акценту и особенностям говора Михаил Исаакович сделал вывод, что он с Украины. Именно Петро, как бы сожалея, сообщил, что за четыре месяца в гетто убито более двадцати тысяч человек. Как-то Петро, придя к сапожнику, сказал:

— Мы не приказываем вас убивать. Приказы отдают хозяева — немцы. Если хочешь знать моё мнение, то скажу: я бы не всех уничтожал. Многие ваши люди могли бы работать, есть же среди вас немало учёных, изобретателей, переводчиков. В конце концов, надо же кому-то город убирать, мёртвых хоронить. У печей уже мощности не хватает, чтобы трупы жечь. — Петро осмотрел подошвы сапог, каблучки — Левин только что набил металлические подковки — и добавил: — Думаю, ты ещё поживёшь, пока нужен не только жидам, но и нам...

ЧЕРГИНЕЦ Николай Иванович родился в 1937 году в Минске. Видный белорусский писатель и общественный деятель. Председатель Союза писателей Беларуси. Автор более 30 художественных произведений. Новый роман Н. Чергинца "Операция "Кровь", главу из которого публикует "Наш современник", посвящен борьбе подпольщиков с гитлеровскими оккупантами в Минском гетто.

“Интересно, сколько же осталось жить моей жене, детям?” — грустно подумал Михаил Исаакович, перебирая в руках четыре подковки, оставленные полицаем. Наконец, он обратился к ним внимание и тут же положил в ящик. Может быть, Петро вспомнит и придёт за ними. Вдруг в открытых дверях показался невысокий, кривоногий, с лисьей мордой мужчина.

— Привет ещё живущим жидам! — весело произнёс он и протянул две пары женских туфель. — Видишь, туфли приличные, почти новые, на шпильках, а набоек нет.

Левин, как замороженный, смотрел на пришельца:

— Я, конечно, извиняюсь, но если не ошибаюсь, ко мне пожаловал Абрам Липкович с улицы Беломорской?

Михаил Исаакович сразу же вспомнил семью Липковичей. Ещё бы: жили одно время в соседних домах, мацой друг друга угощали, иногда в гости друг к другу заходили.

Липкович злобно ухмыльнулся:

— Я, конечно, сразу тебя узнал! Я на всю жизнь запомнил твоё хамство, когда ты не дал моему сыну всего пару веток сирени...

— Постой, постой, — взволновался Левин, — я же не возражал, чтобы он и больше наломал сирени, я его просто пожурил за то, что он испортил ногами на грядках свежую рассаду. Мы же с тобой тогда переговорили, и всё, ты, Абрам, сам сына пожурил. Зачем это вспоминать?

— А затем, что ты и твой выводок сегодня кандидаты в Тростенец, а я живу с семьёй дома и радуюсь жизни. Захотел жене подарить пару-другую красивых иностранных туфель — и вот, пожалуйста. Причём ты лично хорошо сделаешь эту работу, иначе стоит мне пальцем пошевелить, и ты — на небесах. Так что, жидовская морда, мне не тькай и молись, чтобы сегодня-завтра, через неделю не наступила твоя очередь и по моему желанию тебя не повезли в Тростенец. И это может произойти в любой момент, понял?

— Нет слов, — поднял руки Левин, — всё понял, конечно. Если позволите, вопрос я задам?

— Ну-ну, спроси.

— Спасибо. Говорят, у нас, в Минске, созданы еврейские советы. Что это и чем они занимаются?

Липкович оскалился:

— Ха, в Минске. Нет, не в Минске, а здесь, в гетто. Я тот, кто входит в этот совет, понял?

Левин мог от греха подалее как-то прекратить этот разговор, но Михаил Исаакович понимал, что бывшего соседа так и раздражало чувство собственного превосходства. Поэтому он, как мог, замедлил работу, демонстрируя, что делает ремонт с особой тщательностью, и спросил:

— А чем занимается этот совет?

— Отвечает перед властями за поведение евреев, выполнение ими всех распоряжений германского командования. А в Минске создан комитет, где имеются отделы труда, снабжения, паспортный...

— Так вы как представитель комитета руководите всеми, кто находится в гетто?

Левин специально повысил функции хвастуна, тому это понравилось:

— Я могу многое. Сейчас мы создаём в гетто органы самоуправления, юденраты и еврейскую полицию. Слышал об этом?

— Нет, мы здесь в изоляции, не имеем информации. Спасибо вам за то, что потратили время на меня. А что будет делать еврейская полиция?

Липкович хмыкнул:

— Считай, что за порядком будет следить, не разрешать вам друг друга убивать. Следить, чтобы беспрекословно исполняли приказы немецкого коменданта гетто.

— Выходит, немецкое командование доверяет хотя бы некоторым евреям?

— Из местных евреев только мне, потому что я смог возвыситься над вами и над собой, мне доверили командовать одним из отрядов. Мы охраняем улицы, входы и выходы из гетто. Занимаемся изъятием вещей, организуем облавы, мы — активные и верные помощники немцев и литовцев.

Вдруг Липковича будто осенило, он даже высокомерный тон сменил на дружеский:

— Слушай, Михей, хочешь жить долго? Понимаешь, можно сделать так, что тебя и твою жену не отправят в Тростенец поджариваться в газовой печи.

— А кто же этого не хочет? — уклончиво ответил Левин.

— Так вот. Ты должен мне подсказывать, у кого и в каком месте в квартире имеются драгоценности. Не волнуйся, никто об этом, даже немцы, не узнает. — Увидев, как вздрогнул Левин, у которого затряслись руки, успокаивающе сказал: — Конечно, что-нибудь и тебе перепадёт. Поверь мне, это добро пригодится. В случае чего, можно откупиться, спасти себе жизнь.

— Я даже не знаю, как это сделать, — замылся Левин, — ни у меня, ни у моих соседей ничего нет. Женщины в день ареста отдали свои кольца и серьги. Да и кто сейчас расскажет другому человеку о своих ценностях?

— Михей, подумай о моём предложении. Как это важно, ты, надеюсь, понимаешь. Я пока тебя прикрою, в глазах коменданта мой авторитет очень большой...

В тревоге Михаил Исаакович пришёл домой. В семье, как всегда, вздохнули с облегчением.

Эмма Самуиловна сообщила мужу новость:

— Нам приказано с завтрашнего дня носить на одежде знаки отличия — жёлтые латы — на спине и на груди прямоугольнички с номером, а также с номером дома, где мы живём. Сказали, чтобы готовились к выходу в город на работу.

— Что, сами должны идти на работу? — встрепенулся Михаил Исаакович.

— Что ты! В составе колонн, которые закреплены за строительными организациями. Колонны будут охранять немцы и полицаи из Литвы и Латвии. Михаил, — всплакнула жена, — я так боюсь за детей. Ты же знаешь, как они пропадают из многих семей, когда взрослых нет дома. Нам сообщили, что в гетто находятся евреи, вывезенные из Германии, Чехословакии, Австралии и других стран, сказали, что с ними мы можем торговать, обмениваться вещами и так далее. И ещё, — Эмма Самуиловна понизила голос, — Миша, нам передали приказ начальника минского гетто Готтенбаха, чтобы все нетрудоспособные люди завтра в десять часов утра собрались около юденрата.

— Завтра же воскресенье, — забеспокоился муж, — а детей тоже вызывают?

— Я не поняла, Миша, мне страшно.

— Успокойся, если детей не вызывают, то это акция против больных и стариков...

— Что значит — “против больных и стариков”? — расплакалась Эмма Самуиловна. — А они что, не люди?!

— Не расстраивайся, я не это имел в виду. Я констатировал: нам идти туда не надо.

— Этот Готтенбах регулярно, два раза в неделю, ходит по территории гетто, выбирает себе молоденьких красивых девушек, насилует их, а потом расстреливает. На улице Танковой, ты же сам знаешь, этот изверг вешает людей якобы за нарушение установленных правил поведения в гетто. А кто здесь нарушает правила? Все, как оловянные солдатики, любой приказ, любое желание выполняют.

— А где находится юденрат? Честно говоря, об этой организации я только сегодня узнал.

— За улицей Республиканской, на границе с еврейским кладбищем...

— Давай будем спать, — устало сказал муж, — завтра посмотрим.

Утром следующего дня встали рано, определили каждому из семьи порцию. Представители новой власти стали выделять только 300 граммов воды и 5 граммов крупы на человека в день, этого хватало только на водянистую похлёбку. Чтобы сохранить жизнь, взрослые семей Левиных и Рабиновичей, как и другие узники гетто, объединяли свои скромные запасы. Меняли одежду, даже нижнее бельё, на что-либо из продуктов, которые ловкие люди,

в том числе полицейские, умудрялись доставлять в гетто. Иногда через кладбище сюда проникал кто-нибудь из местных. Они приносили сало, хлеб и другие продукты. Можно было, например, наручные часы поменять на полфунта сала и буханку хлеба или на полфунта маргарина и две буханки. У Левиных и Рабиновичей хранились две пары женских, а также наручные и карманные мужские часы. И ещё, как зеницу ока, они берегли две шерстяные кофты, плащ и золотые серёжки.

В десятом часу утра Михаил Исаакович и Мария Семёновна, которая была моложе жены Левина на целых пятнадцать лет и физически здоровее, вышли из дома и направились искать юденрат. Они поднялись вверх по улице Островского, пересекли Юбилейную площадь и повернули в сторону еврейского кладбища. Сомнений в том, что они идут в нужном направлении, не было, так как туда же шли и другие люди. С инвалидами, больными стариками в качестве сопровождающих шли и те, кто был помоложе и поздоровее.

— Я думаю, что будет собрание, — сказала Мария, — если бы они задумали акцию, то подгоняли бы машины к домам и всех, кто им нужен, — в кузов.

— Не знаю, не знаю, — ответил Левин. — Придём — увидим.

Еврейский совет — юденрат — находился в трёхэтажном доме.

В открытых окнах были видны гражданские люди и полицейские. Они тоже наблюдали, как на площади, вернее, обширном пустыре, за которым виднелось кладбище, собиралась большая толпа людей. На площадь можно было попасть, пройдя через цепь вооружённых немцев и полицейских. Они пропускали на площадь только тех, кто им был нужен. Михаил Исаакович и Мария Семёновна не стали подходить вплотную к охране. Они нашли удобное место, откуда площадь была хорошо видна. Вдруг Левин увидел Липковича, который с винтовкой на плече направлялся не к пункту пропуска, а прямо на цепь, где никто не толпился.

— Смотри, Мария, — указал он пальцем на Липковича, — узнаёшь?

— Мать родная! Абрам Липкович?!

— Он. Я уже имел счастье вчера с ним пообщаться.

— Он что, служит в полиции? Евреев же не берут...

— Вот таких тварей, как видишь, берут. Он вчера меня обзывал жидовской мордой, как будто сам не еврей.

На площади уже толпилось не менее трехсот пятидесяти человек. Через рупор по-немецки последовала какая-то команда, и пропускные пункты перестали пропускать на площадь людей.

Левин и Рабинович увидели, как в кузов грузовика по деревянной приставной лестнице поднялся офицер. Вслед за ним поднялось ещё человек пять, все в форме.

Мария дёрнула Михаила Исааковича за рукав:

— Смотри, и Липкович там. Видишь, у грузовика стоит, с полицаями здоровается, как старый знакомый.

— Вчера мне предложил стукачом сделаться, подглядывать, у кого есть ценности. Даже поделиться обещал, наверняка обогатиться хочет.

— Как же так, Михаил! Еврей хочет грабить евреев!

— О чём ты говоришь, — улыбнулся Левин. — Он же нас называет жидами и, значит, отрекается от своей национальности.

Неожиданно охрана расступилась, и на площадь со стороны Кальварийской улицы въехала колонна крытых грузовиков, среди них несколько машин, при виде которых людей всегда охватывал ужас. Это были душегубки, они отличались от крытых брезентом грузовых машин тем, что их кузов был металлическим, чёрного цвета, сзади — большая дверь.

По толпе прошёл тревожный гул. Немец, это был Готтенбах, снова поднёс рупор ко рту. Он неплохо говорил по-русски, правда, с акцентом, а иногда коверкал слова.

— Внимание! Сейчас большинство из вас поедет на этих красивых “лимузинах” на специальную, нетяжёлую работу. Это не совсем долго. — И Готтенбах по-немецки что-то приказал охране.

Мария Семёновна немного знала немецкий и уловила смысл сказанного:

— Он приказал отогнать в сторону двадцать человек. Остальных посадить в машины.

Приказ начал выполнять группа немецких солдат и литовских полицеев. Жители гетто уже легко отличали литовских и латышских полицейских от местных, которые явно смущались при виде своих знакомых, а “гости” действовали с особой жестокостью. Им было безразлично, кто перед ними — старик, женщина или ребёнок.

Люди, толкаясь, бросились к грузовикам, крытым брезентом. При виде душегубок они потеряли способность действовать иначе. Каждый стремился не попасть в будку душегубки.

Готтенбах весело прокричал:

— Не стесняйтесь, господа, садитесь в машины с будками. Это не то, что вас пугает. Ехать будете быстро и недалеко.

Немцы и полицаи действовали бесцеремонно, прикладами и пинками заставляя людей залезать в машины.

Огромная толпа заволновалась и стала напирать на цепь ограждения. Готтенбах что-то произнёс по-немецки.

Мария Семёновна объяснила:

— Он приказал стрелять в тех, кто попытается проникнуть на площадь или посмеет притронуться к солдату.

И точно: сразу же раздалось несколько выстрелов. Толпа отхлынула, и на земле остались лежать четыре человека. В это время к отобранным двадцати приблизились литовские полицейские и каждому связали руки.

— Для чего они это делают? — негромко спросил Левин.

— Смотри, Михаил, — воскликнула Мария и показала в сторону здания юденрата. — В окнах — пулемёты!

В этот момент из-за здания выехали две бронемашины с открытым верхом. Их пулемёты были направлены на собравшихся людей. Тех, кто пришёл проводить своих родных, было в несколько раз больше, чем тех, кого машины, дымя, увозили с площади в сторону Кальварийской улицы.

— По-моему, будет правильно, если мы уйдём, — сказала Мария. — Добром это не кончится.

— Подожди немного, — предложил Левин и вдруг воскликнул: — Смотри, собак ведут.

Со стороны кладбища солдаты вели семь больших немецких овчарок. Завидев людей, псы стали со злобным лаем бросаться к двадцати евреям, которые испуганно жались друг к другу.

Снова послышался голос Готтенбаха:

— Эти люди не желают подчиняться приказам коменданта гетто, поэтому сейчас они будут чуть-чуть наказаны. — Он сделал паузу, давая возможность полицаям, которые связывали людям руки, отойти за ограждение, и отдал приказ.

Солдаты-проводники отстегнули поводки и скомандовали:

— Фас!

Дальше все происходило, как в страшном сне. Разъярённые псы набросились на людей, сбили их с ног на землю и стали буквально рвать их на части.

Собравшаяся напротив оцепления толпа бросилась вперёд, и сразу же из окон юденрата и с бронемашин ударили пулемёты. Мгновенно десятки людей, пронзённые пулями, упали на землю.

Мария Семёновна потянула Левина за рукав:

— Михаил, бежим, они же убивают!

Им повезло: пригорок, на котором они стояли, находился в стороне, и это позволило им незаметно удалиться...

На следующий день Левин по рассказам жителей гетто и местных полицейских уже представлял всё, что произошло в то воскресенье. Собаки буквально загрызли половину группы, которую оставили для этой травли. Выжившие были расстреляны.

Для всеобщего устрашения по приказу Готтенбаха на территории гетто в наиболее людных местах были повешены десятки людей.

К концу дня в сапожную будку заявился Липкович. Он был навеселе. Маленькие крысиные глазки впились в Левина.

— Ну что, жидовская морда, был вчера на концерте?

— Да, был. Вас видел, радовался, что вы достигли такого положения. Было приятно, что к вам с таким почтением относятся. Я видел, как вы стояли рядом с самым комендантом. Я же понимаю, кому оказывается такая честь. — Михаил Исаакович не жалел лестных слов, понимая, что они попадают в цель.

— Я вижу, что ты действительно был там. Только Готтенбах не комендант, а начальник. Ему раз плюнуть — отправить сотню-другую, а может, и тысячи на виселицу, в крематорий или на расстрел. Ты знаешь, куда отвезли вчера четыреста семнадцать жидов?

— Нет, я видел, как их погрузили в грузовики и увезли.

— Правильно. Ты и не можешь знать. Ведь для этого тебе надо быть среди них. Тогда бы ты всё знал и завыл бы. Знаешь, почему?

— Конечно, нет.

— Скажу тебе по-дружески, ты же хочешь, чтобы мы были друзьями, не так ли?

— О да! Это для меня большая честь.

— Те, кто поехал в машинах с будками, их же не зря называют душегубками, сразу же направились в Тростенец прямо в печку, красиво сгорели. Остальных отвезли в Койданово, где они сами себе выкопали огромные ямы, заодно подышали напоследок свежим воздухом. Им литовцы разрешили подышать, ну, а затем, как и положено, — всех под пули и в ямы. Мы смеялись, что литовцы подумали только о том, кто будет копать, и поплатились. Пришлось закапывать самим, от досады они даже семь лопат потеряли. Ну, да ладно, я просто так заглянул к тебе, напомнить о нашей договорённости, так что думай. Хайль Гитлер! — И Липкович удалился.